

имеет уже совершенно иное строение (две группы глав, и внутри каждой группы каждая последующая глава уступает в объеме предыдущей). Скрытое присутствие в «Умозрителстве душевном» этих количественных принципов на более глубинном уровне отвечает тому же требованию барочной поэтики, что и равное число стихов и глав в обеих частях поэмы или немаркированные реминисценции из Священного Писания,³⁸ — требованию присутствия тайны в книге. По мысли А. В. Михайлова, подобное требование обусловлено тем, что барокко завершает ту эпоху в истории знания, когда непознанное отождествлялось с непознаваемым, а книга, в качестве свода знаний, стремилась отождествиться со знанием как таковым, не столько проникнуть в тайну, сколько вобрать ее в себя. Поэтому книга не только оповещала читателя о наличии в мире тайнах, но и включала в себя тайны, чья таинственная сущность состояла прежде всего в их неявленности читателю. При этом литературная конвенция, предлагавшая читателю обнаружить сокрытую в тексте тайну, опиралась на то обстоятельство, что отсутствие тайн или их исчерпанность недоказуемы ни для какого текста.³⁹

В заключение следует коснуться того литературного контекста, в котором создавалось «Умозрителство душевное», и перспектив соотношения поэмы с этим контекстом. Магистральная для русского классицизма просветительская программа была сонаправлена тенденциям предыдущей эстетической эпохи — барокко, чья риторичность обнаруживала стремление поучать и просвещать читательскую аудиторию, а потому барокко (не только в России, но и, к примеру, — столетием раньше — в протестантском мире⁴⁰) часто служило «проводником» для просветительской идеологии.⁴¹ Но и помимо этой смежности, барокко и классицизм в России не поддаются строгому разграничению ввиду того, что в русской барочной традиции доминировала придворная функция поэзии, характерная для классицизма.⁴² Вместе с тем основной корпус поэзии русского барокко имеет сравнительно четкие границы, приходясь на силлабический период в истории русского

³⁸ Их немаркированность особенно значима по контрасту с аналогичными реминисценциями, прокомментированными Буслаевым: «Давиду следуя писано, иже в печалех своих пишет: Слезы моя мне хлеб день и ночь, и паки: Питие мое с плачем растворяю» (комментарий к стихам 96—97 части первой «Умозрителства душевного»).

³⁹ Михайлов А. В. Поэтика барокко: завершение риторической эпохи // Михайлов А. В. Языки культуры. М., 1997. С. 118—119.

⁴⁰ См. об этом в кн.: Yates F. A. The Rosicrucian Enlightenment. London; New York, 1972.

⁴¹ Рогов А. И. Указ. соч. С. 8, 11.

⁴² См.: Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X—XVII веков. Л., 1973. С. 207.